
Ведьмы
Цветочной
долины

Коллектив авторов

Ведьмы цветочной долины

«Перископ-Волга»

Коллектив авторов

Ведьмы цветочной долины / Коллектив авторов — «Перископ-Волга»,

ISBN 978-5-00293-078-4

В Цветочной долине ведьмами никого не удивишь. Они живут на цветочных улицах, варят зелья, выращивают волшебные сады, заводят фамильяров и постоянно попадают в истории, которые никакой магией заранее не предусмотришь. У каждой свои причуды, секреты, таланты и представления о том, какой должна быть настоящая ведьма. В Цветочной долине даже маленькое происшествие может превратиться в совершенно неожиданную историю. Пропавшая шляпа становится поводом для расследования, старые заклинания вмешиваются в новые времена, дети пробуют первое волшебство, а знакомые герои снова встречаются там, где их совсем не ждешь. Истории переплетаются и постепенно складываются в один большой уютный мир. «Ведьмы Цветочной долины» — это сборник связанных историй о магии, которая давно стала частью повседневности. О дружбе и семье, взрослении и старости, традициях и переменах, поиске своего места — и о том, что иногда самое важное волшебство начинается с простого умения принять другого таким, какой он есть. А началась Цветочная долина с одного черного дома на Лавандовой улице. Андрей Лакро придумал город, где улицы носят названия растений, дома окрашены в соответствующие им цвета, а ведьмы спокойно живут среди обычных горожан. Его рассказ о ведьме Зангаде и приглашение расширять эту вселенную вдохновили многих авторов придумывать собственных ведьм, новые улицы и увлекательные истории. Великолепные иллюстрации, собственноручно нарисованные Андреем, добавляют этим историям еще больше тепла, очарования и волшебства. Так один замысел превратился в общий мир, который продолжает расти от рассказа к рассказу.

ISBN 978-5-00293-078-4

© Коллектив авторов
© Перископ-Волга

Содержание

Ведьма из чёрного дома на Лавандовой улице 7
Ведьма из Сорнякового переулка 14
Первое волшебство 17
Сказка про Мамашу Сухоцвет 24
Картонный дом 27
Кисломолочная ведьма из Репейного тупика 31
Спасти рядового Бобуса 35
Снова в Репейном тупике 39
Ведьма с Ромашковой улицы 43
Конец ознакомительного фрагмента. 47

Ведьмы цветочной долины

Выражаем огромную благодарность:

Андрею Лакро – за идею Цветочной долины, первый черный дом на Лавандовой улице и вдохновение, благодаря которому у этой вселенной появилось столько новых героев, мест и историй. И, конечно же, за чудесные иллюстрации к рассказам.

Всем авторам, поддержавшим проект. Вместе вы создаете и продолжаете расширять этот уютный мир.

Издательству «Перископ-Волга» – за корректуру и верстку сборника.

* * *

Ведьма из чёрного дома на Лавандовой улице
Автор: Андрей Лакро

Можно ли назвать чёрный цвет ярким?

Дом в конце Лавандовой улицы – тот самый, с остроконечными башенками и стрельчатыми окошками – вполне себе ярко чернел на фоне прочих домишек. Ведь остальные постройки вокруг играли всеми оттенками лавандового (неспроста же улица называлась Лавандовой).

А этот дом был чёрным.

Кто-то, может быть, сочтёт такой цвет неподходящим для жилища, но чёрный совсем не обязательно таит в себе угрозу и мрачность. Вот и в этом доме – даже не водилось привидений или каких-нибудь бугименов.

В нём жила ведьма. Молодая совсем, лет двести от силы. Как и многие ведьмы, была она рыжей и зеленоглазой, носила всё чёрное и любила серебряные украшения.

Некоторые из вас скажут, что в соседстве с ведьмой нет ничего рядового и обыденного. Что ж, нетрудно представить, что где-то в других местах они редкость. А вот в здешних краях встречаются повсеместно. Одна такая, например, живёт на Розовой улице. И на Жасминовой – тоже есть своя ведьма. Ведьмы в Цветочной долине водились испокон веку, это никого не пугало и даже не удивляло.

Все они были разными, каждая с особым магическим опытом и силой. Ведьм ведь неспроста так именуют: им ведомы тайны управления природой и стихиями. Естественно, среди них попадались вредные, злобные тётки, которых ещё принято называть каргами. Но вот у ведьмы из чёрного дома на Лавандовой улице причин для злости никогда не было.

Она не ходила на работу или учёбу, как это приходится делать многим из нас. Просыпалась тогда, когда сама хотела. Заваривала кофе в своём ведьмовском котле – о, это было поистине приворотное зелье. Один его аромат будоражил и вдохновлял на свершения! После ведьма завтракала хрустящей выпечкой, запивая её свежим кофе-зельем. Так проходило утро – а оно, как известно, наступает тогда, когда проснулся.

Её чёрный дом окружали заросли хищных растений, потому душными летними ночами мухи и комары не донимали ведьму своим настырным жужжанием. Правда, этот экзотический сад был страшно влаголюбив и привередлив, так что ежедневно требовал уйму заботы. Но ведьме нравилось возиться со своим садом, чем она и занималась практически всё свободное время. Она надевала специальный защитный костюм, брала лопатку и лейку и уходила на задний двор. Там, насвистывая бодрый мотив, могла копаться в грядках чуть ли не весь день.

А в лавандовых домиках по соседству жили добропорядочные и благожелательные горожане, которым и в голову бы не пришло никого злить. Они тоже занимались каждый своим делом – ухаживали за детьми, ходили на работу, проводили время с любимыми. По праздникам поздравляли соседей, угощая их вкусными домашними пирогами. В общем, в том городке повсюду царили мир и согласие. Так что ведьма, жившая в чёрном доме на Лавандовой улице, всегда пребывала в благом расположении духа.

Разве что однажды случилось нечто такое, что вывело её из себя.

В тот погожий летний день ведьма проснулась, когда солнце уже достаточно высоко поднялось над крышами лавандовых домишек…

Ах, да: звали ту ведьму Зангадой.

Так вот, наша ведьма Зангада проснулась, потянулась, встала с кровати. По обыкновению, вкусно позавтракала и собралась заняться привычным делом – работой в саду. Да не тут-то было, не хватало самого важного! Она огляделась вокруг, прошлась по комнате и даже залезла под кровать – ничего.

– Где моя ведьмовская шляпа, дракон побери?! – в сердцах воскликнула ведьма.

Каждый, кто хоть раз видел ведьму хотя бы на картинке, знает, что та неизменно носит особую шляпу – остроконечную, с широкими полями. Поговаривают, что на острие такой

шляпы, точно молния на громоотводе, из самого эфира собирается магическая сила. Но это всё враки, конечно же. Однако шляпа – буквально визитная карточка ведьмы. Без неё – как выйти в свет?

От поднявшейся суеты в углу проснулся ведьмин фамильяр. Фамильяры тоже есть у каждой уважающей себя ведьмы, и это вовсе не обязательно чёрный кот или летучая мышь. У Зангады жил огромный ворон – благородная, умудрённая жизненным опытом птица. И, как всякое мудрое существо, ворон предпочитал побольше молчать. Но, будучи беспардонно вырванным из сладких объятий сна, он взъерошил перья и сварливо выкрикнул (это ведь был волшебный, говорящий ворон):

– Потер-р-ряла, р-р-растяпа!

Ведьма оскорблённо запыхтела, вмиг сделавшись похожей на вскипевший на плите чайник. Но с птицами ругаться – бестолковое занятие. Махнув рукой на ворона, она вернулась к поискам. В каждый угол, пропахший целебными травами, заглянула ведьма. Каждую полку, заставленную пузырьками со снадобьями, обшарила. И чердак, и подвал, и остроконечные башенки – нигде нет. А ведь вчера вечером – точно помнила ведьма – оставила шляпу на стуле у кровати.

– Магия, не иначе, – удивилась она.

Да только кто мог её сотворить, если не сама Зангада? А уж она-то знала, что творила вчера, а чего – нет!

– Шляпокр-р-рады! – хрипло возразил ворон.

– Думаешь? – почесала ведьма рыжий затылок.

И ведь действительно, шляпу могли украсть. Но кто? Мы же помним, что городок населяли исключительно добропорядочные и благожелательные люди, неспособные на такую гнусность.

– Пожалуй, это загадка…

Ведьма шагнула к старинной вешалке и сняла с неё другую шляпу – серую, с приплюснутым верхом и полями, слегка загнутыми по краям.

– Для ведьмы-детектива! – закончила она фразу и водрузила шляпу на копну медных кудрей.

На стеллажах со всякими магическими штуковинами она отыскала старую лупу с толстым стеклом, а ещё – курительную трубку, выточенную из редкой породы дерева. Она понятия не имела, для чего детективу лупа. И к тому же совсем не курила – ведь даже малыши знают, что это вредно для здоровья. Просто на какой-то картинке из книжки видела, что детективы владеют именно этими артефактами.

– Кар! – скептически заявил ворон из своего угла.

Но Зангада не стала слушать вредного старика, а поспешила во двор.

На Лавандовой улице уже вовсю кипела жизнь, ведь была самая середина дня. Соседи за увитыми клематисом оградками предавались будничным хлопотам: кто-то подстригал газон перед домом, кто-то подновлял краску на ставнях. Дети, кому ещё рано ходить в школу, играли с питомцами. В общем, без дела никто не сидел.

Первым делом Зангада подкралась к домику Дорлов – тот был ближе всех к её чёрному особняку. Мистер Дорл, объёмный, жизнерадостный глава семейства, как раз поливал усаженную лавандой лужайку (вполне логично, что на Лавандовой улице лаванду выращивали буквально все).

Зангада улучила момент и выскочила из-за живой изгороди прямо перед ним.

– Где вы были вчера вечером?! – страшным голосом произнесла она.

Мистер Дорл крупно вздрогнул и даже икнул от испуга. Он совершенно не ожидал появления ведьмы.

– Спал! – не задумываясь, выпалил мистер Дорл.

Он так напугался, что забыл поздороваться с соседкой, и поэтому в следующую же минуту почувствовал себя крайне неловко.

– Кто может это подтвердить? – с подозрением сощурилась ведьма, наведя на соседа увеличительное стекло.

Это явно было лишним: крупная фигура мистера Дорла и так прекрасно просматривалась даже издалека.

– Моя жена, миссис Эва Дорл, мой старший сын Эрон и младшая дочка, Эрина, – принялся перечислять он, для верного счёта загибая пухлые пальцы.

– Гав! – звонко отозвалось за спиной.

Мистер Дорл снова вздрогнул и обернулся.

– Ах, да. И наш пёс, сэр Дудл, – добавил он. – Вчера вечером мы все одновременно пошли спать.

Сэр Дудл, принадлежавший к благородной охотничьей породе джек-рассел-терьеров, утвердительно завилял хвостом. А как известно, собаки не умеют врать, это честнейшие существа в мире. За это их и считают лучшими друзьями человека.

Зангада нахмурила высокий лоб, но поняла, что тут она следов не найдёт. Да и зачем бы мистеру Дорлу понадобилась шляпа? У него же своя есть, соломенная.

Она извинилась перед соседом и направилась к следующему дому. Но, едва глянув через запущенную ограду, обречённо вздохнула. Пожилая соседка, миссис Гудвэлл, напрочь глуха. Хоть из пушки под ухом пали – будет думать, что дети в хлопушки играют. Допрашивать её ничем не проще, чем стену. Да и передвигается старушка с трудом, опираясь на палочку. Ну какой из неё шляпокрад?

И тут Зангада увидела то, что заставило её позеленеть от злости.

В следующем же дворе соседка миссис Вайнор, напевая весёлую песенку, развешивала бельё. В самом этом действе ничего раздражающего, разумеется, не было – ведь она делала так

едва ли не каждый день. Но в её пышной русой косе Зангада заметила ленту цвета лаванды. Её ленту.

Тут стоит объяснить, что шляпы у ведьм – штука индивидуальная, а потому легко узнаваемая. У ведьмы с Розовой улицы она украшена нежными розами и большим кремовым бантом. У ведьмы с Жасминовой улицы – россыпью белых ароматных бутонов. А у Зангады на шляпе красовалась лента цвета лаванды, с заткнутым за неё пучком сушёных цветов.

Так вот, увидев свою ленту в волосах миссис Вайнор, ведьма Зангада впервые за долгое время сильно разозлилась. Она подбежала к выкрашенному в лавандовый цвет заборчику, окаймлявшему домик семьи Вайноров.

– Шляпокрадка! – перевесившись через него, закричала ведьма.

От неожиданности миссис Вайнор схватилась за сердце, уронив на траву свежевыстиранную наволочку.

– Ох! Это вы, соседка Зангада, – успокоилась она. – Как поживаете?

– Поживала себе, – обиженно ответила ведьма, – пока кто-то не стащил мою шляпу!

Другие соседи, заслышав крики, с любопытством выглядывали из-за своих заборов, стараясь понять, что происходит.

– Да! Что происходит? – тоже попыталась понять миссис Вайнор. – О чём это вы?

– Лента! – не успокаивалась Зангада. – Откуда она у вас?

Соседка схватилась за косу.

– Эта? Мне её утром дочка подарила.

Ведьма удовлетворённо хмыкнула. Похоже, в её расследовании наметился-таки сдвиг. Разгадка совсем близко!

– И давно она у вас шляпокрадством занимается? – ехидно прищурилась она.

Миссис Вайнор была совершенно растеряна. Она прекрасно знала, чем занимается её малышка Тино – уж точно никаким не шляпокрадством. Девочка не любила носить длинные косы, как у мамы, её русые волосы едва прикрывали торчащие уши. Да и удобные штаны были ей милее нарядных платьев. Больше всего малышке Тино нравилась рыбалка. Она целыми днями пропадала у озера, и рыба интересовала её куда больше каких-то там шляпок.

Чтобы прояснить столь запутанную ситуацию, миссис Вайнор предложила отыскать дочку и спросить, откуда взялась эта лента. Вместе с Зангадой они направились к Зеркальному озеру – именно там малышка Тино обычно ловила рыбу в это время суток.

Они застали девчушку на берегу, сидящую на большом округлом камне и сосредоточенно глазевшую на водную гладь в том месте, где в неё уходила леска.

– Тино! – позвала девочку миссис Вайнор.

Рыбалка – занятие тонкое, она требует много терпения, а ещё – любит тишину. Потому-то малышку Тино разобрала досада: суетливые женщины распугали ей всю рыбу. Но дело, похоже, не терпело отлагательств, не зря на лице матушки столько беспокойства.

– Ну, маленькая мисс, где ты взяла эту ленту? – Зангада потрясла цветной полоской прямо перед её лицом.

– Мне её подарил Нил Самойтен сегодня утром, – честно призналась девочка.

Уже втроём они вернулись на Лавандовую улицу, к домику Самойтенов. Это был самый высокий и самый лавандовый дом во всей округе. С вальмовой крышей, аккуратными балкончиками и весь утопающий в зелени деревьев. Но Зангаде некогда было им любоваться, она призвала к ответу сынишку хозяев, Нила.

В этот раз на шум собрались соседи чуть не со всей улицы. Горожане толпились у домика, выжидая, чем кончится ведьмино расследование. Хозяева, семейство Самойтенов, топтались у ворот, недоумённо пожимая плечами.

– Где ты взял эту ленту? – зловеще зыркая глазами, вопросила Зангада.

– Нашёл! – дрожа от страха, похныкал Нил. – На терновом кусте.

– А куст где?!

– У забора вашего дома! Того, что со стороны леса…

– Тьфу! – досадливо топнула ногой ведьма.

Как же так! Столько усилий, и всё зашло в тупик, негодовала Зангада. Как ловко шляпокрад обвёл её вокруг пальца, запутав следы!

– Ах, вот как? – сжала кулаки Зангада. – Ну, тогда… Слушайте, жители Лавандовой улицы! Я устала бегать по всей округе. Я уже пропустила время обеда, и вдобавок у меня разболелась голова. Потому ставлю простое условие: если в течение часа гнусный шляпокрад не признается и не вернёт пропажу, я тут всех заколдую! Превращу в… В какую-нибудь гадкую мерзость! Вот!

Точно в подтверждение её слов, сверху вдруг сгустились зловещие тучи. Они обволокли солнце, и небо над Лавандовой улицей враз потемнело.

Угроза быть заколдованными сильно напугала горожан. Некоторые в ужасе скрылись за дверями своих домов, плотно задёрнули шторы на окнах и затаились, будто надеясь, что заклятье не сможет проникнуть внутрь. Другие стояли, схватившись за головы, и обеспокоенно охали, не зная, что же делать. Дети в страхе зашмыгали носами, живо воображая ту самую мерзость, которой скоро могут стать.

Зангада оценила силу своих слов и уже задумалась, а не погорячилась ли она. Но ведьмам не пристало бросать обещания на ветер, потому на всякий случай Зангада взялась перебирать в уме заклятья, которые могли бы подойти. Хотя по магическим меркам она была довольно молодой ведьмой, всяких заклинаний знала достаточно. Например, могла обратить человека в жабу.

Зангада крепко задумалась, потому не сразу обратила внимания, что кто-то тянет её за подол чёрного ведьмовского платья.

– Как твоё имя, малыш? – опомнилась она, глядя на вихрастого мальчишку лет пяти.

– Вилли, – тихо ответил ребёнок.

– И чего тебе, Вилли? – склонилась Зангада.

– Тётенька ведьма, не заколдовывайте никого, – жалобно попросил мальчик. – Я знаю, где ваша шляпа.

– Что же ты молчал?! – хором вскрикнули все.

– Боялся, – пожал плечами мальчик.

И малыш Вилли отвёл Зангаду и всех горожан в самый конец Лавандовой улицы, дальше чёрного домика ведьмы. Туда, где начинался лес.

Лес за чертой города не был ни дремучим, ни мрачным, как в каких-нибудь жутковатых сказках, что зловеще нашёптывают детям на Хэллоуин. Но всё же городским жителям с непривычки было несложно в нём заплутать. Вот, к примеру, только вчера эти кусты зеленели, а сегодня на них распустились крупные белые цветы. И некогда знакомая тропа теперь выглядит совершенно иначе.

Ведьма, мальчик, а с ними и все жители Лавандовой улицы отправились в чащу. Но вскоре отряд горожан остановился.

– И куда дальше? – огляделась ведьма.

– Не помню, – растерялся маленький Вилли.

Он замер, наморщил нос-кнопку, вспоминая дорогу. И тут посветлел лицом.

– Сэр Дудл! – позвал мальчик.

– Гав! – отозвался пёс семьи Дорлов.

Вилли одолжил у ведьмы ленту. Сэру Дудлу понадобилось меньше минуты, чтобы обнюхать её и взять след. И вот отряд из жителей Лавандовой улицы во главе с Зангадой снова уверенно двинулся вглубь леса.

Вдруг сэр Дудл замер, тревожно вглядываясь в самую чащу.

– Гав! – сообщил он.

Тут-то ведьма и увидела свою шляпу, застрявшую вверх тормашками в ветвях бузины. Её, изрядно потрёпанную, доверху заполняли сухие прошлогодние листья, трава и мелкие веточки. Целая горка всякого мусора.

– Что это такое? – недоумённо повела бровью Зангада.

Она приблизилась к шляпе вплотную. Уже даже протянула руку, чтобы выдернуть её из лесных лап.

– Хш-ш-ш! – злобно зашипела шляпа.

– Гав-гав-гав! – зашёлся лаем сэр Дудл.

На шум из вороха листьев и сучков показалась решительно настроенная усатая морда.

– Да это же шуршень! – охнули все.

Если в краях, где вы живёте, водятся шуршни, то вряд ли вы спутаете их с енотом или ежом. У шуршней – длинная сиреневая шёрстка, ушки торчком, гибкий хвост с кисточкой, и большая пасть, полная острых зубов. Но это так, для острастки, едят-то они чаще грибы да орешки. Живут шуршни в гнёздах, которые вьют где попало: в скальных расщелинах, дуплах старых деревьев, или даже на чердаках.

– Каков наглец! – отчитала его ведьма. – А ну-ка кыш из моей шляпы!

Шуршень в ответ зашипел ещё громче. Следом за ним из шляпы высунулись три носа поменьше.

– У него там детки! – всплеснула руками миссис Вайнор.

Семейка шуршней как ни в чём не бывало скрылась в своём гнезде, свитом прямо в ведьмовской шляпе.

– Что ж, – смягчилась ведьма. – Так уж и быть, пусть забирают. А я в любой шляпке хороша!

И она поправила свою шляпу детектива. Но тут же спохватилась и извинилась перед всеми жителями Лавандовой улицы за то, что обвиняла их и хотела заколдовать.

– Ничего, мы же соседи, – благодушно отозвались горожане. – А соседям ссориться не пристало.

Все вернулись в свои дома: горожане – в лавандовые, а Зангада – в чёрный. Теперь у неё снова не было поводов злиться. А шуршни и так были дома, в своём гнезде.

Так закончилась детективная история с поиском ведьмовской шляпы. А что стало с семейством нахальных шуршней-шляпокрадов – так это уже совсем другая сказка.

Ведьма из Сорнякового переулка
Автор: Наталья Лапшина

На самой окраине города, подальше от посторонних глаз, притаился Сорняковый переулок. Ведьма здесь жила под стать переулку – Энид Чертополох, высокая сумрачная девушка в зелёной остроконечной шляпе.

Никто не знал, откуда она здесь взялась, просто однажды пришла, заняла пустующий дом и начала варить зелья из сорняков. Горькие, как полынь с пустырей, но эффективные. К тому же Энид недорого брала за услуги и не задавала лишних вопросов. Она вообще была неразговорчива, а ещё прятала лицо за широкими полями своей шляпы. Словом, скоро по городу поползли слухи о страшной злой ведьме из Сорнякового переулка. Энид это вполне устраивало.

Ведьма рано вставала, много читала, ухаживала за огородом лечебных трав, варила зелья. Всё это она делала в тишине и одиночестве. Как только сгущались сумерки, к заднему крыльцу её дома начинали крадучись подходить клиентки. Просьбы у них, как правило, были самые обычные: амулет, отгоняющий кошмары, мазь от бородавок, приворот на булавке или яблоке… Всё это можно было получить у любой другой городской волшебницы, хоть у Розовой феи, но нет, всем хотелось заказать услугу именно у ведьмы из Сорнякового переулка, той, что прячет лицо. Все эти милые девушки из благополучных семей дрожали при одном взгляде на Энид, озирались, входя в дом, будто ждали, что из тёмного угла сейчас выскочит чудовище, а получив желаемое, тут же выбегали за порог, даже не попрощавшись.

Энид ухмылялась и соответствовала ожиданиям: научилась делать чёрные свечи с полынью, купила плотные чёрные шторы на окна, украсила кухонный стол букетом из чертополоха. А ещё позволяла себе иногда огрызаться на особенно глупых и надоедливых клиенток. Всё-таки в том, что тебя считают злой ведьмой, есть свои плюсы…

В тот вечер Энид сидела у себя на кухне и пила мятный чай. Сегодня пятница, законный выходной для любой колдуньи, а значит, клиентов не будет. Можно провести весь вечер с любимой книгой.

Вдруг что-то в мире неуловимо изменилось. Сумерки за окном стали гуще и темнее, а левый висок кольнуло, будто иглой. Где-то совсем рядом творилось зло. Зло было ещё небольшое и какое-то бездумное, будто творит его не взрослый человек… Странно. Ведьма закрыла глаза и сосредоточилась. Где оно? Да прямо у неё в огороде с травами!

Энид вскочила на ноги, потянулась за шляпой, висящей на вешалке, но передумала. Уже сумерки. Её лица, скорее всего, никто не рассмотрит.

Девушка быстро вышла в огород и огляделась. На грядке с травами она заметила детскую фигурку в светлом платье. Один щелчок пальцев – и травы опутали щиколотки непрошенной гостьи. Девочка тонко вскрикнула. За забором послышался топот ног. Кто-то побежал в разные стороны. Энид подошла к грядке, ещё раз щёлкнула пальцами, схватила девочку за воротник, как котёнка, и потащила в дом. Жертва от испуга, кажется, даже дышать перестала.

На кухне ведьма оглядела свою добычу. Кесси Смит, тихая книжная девочка семи лет. Живёт через два дома. С мамой и бабушкой… И что такая забыла в чужом огороде?!

Кесси не сводила с Энид испуганного взгляда. Ведьма была высокая, худая, в чёрном платье в пол, сейчас она нависала над девочкой, как хищная птица, но не это было самым страшным. На лбу и висках у волшебницы росли листья чертополоха. Прямо из-под кожи! Сейчас эти листья шевелились, как от ветра, и тянулись к Кесси, будто хотели её ужалить.

Энид смерила Кесси взглядом. Девочка дрожала, как испуганный кролик, а уж о том, чтобы что-то объяснить, и речи не было. Так не пойдёт. Волшебница сняла с вешалки шляпу, надела её, привычно надвинув на лицо, потом достала из кухонного шкафчика бутыль тёмного стекла и глиняную кружку, капнула в кружку несколько капель жидкости из бутыли, долила воды почти до самого верха и протянула питьё Кесси.

– Пей. Это пустырник. Он поможет тебе успокоиться.

Кесси дрожащими руками взяла кружку и сделала несколько глотков. Потом зажмурилась и втянула голову в плечи. Но ничего не произошло. Убедившись, что ни во что не превращается, девочка открыла глаза.

– Ну теперь говори, – голос ведьмы звучал насмешливо, – что ты забыла у меня в огороде?

Кесси закусила губу и помотала головой.

– Хочешь, чтобы я заглянула в твои мысли? Это будет больно.

– Они сказали, что будут со мной играть, если я украду что-нибудь из вашего сада… Если докажу, что я храбрая…

Энид отрывисто рассмеялась. Кесси удивлённо взглянула на неё.

– А сами сбежали и оставили тебя одну. Мне на растерзание. Разве не смешно?

Девочка задумалась, помолчала с минуту, а потом спросила: «Почему у вас листья на лице?»

Энид замерла на секунду, потом нарочито медленно сняла свою шляпу и положила её на стол. Затем ведьма наклонилась к Кесси, давая рассмотреть каждый листочек у себя на лице.

– А ты действительно смелая. Это плата за власть над растениями. У всего есть цена, у волшебства тоже…

Кесси поставила кружку на стол и протянула руку к шевелящимся листьям, но прикоснуться к ним всё-таки не решилась.

Повисла неловкая пауза. Энид вздохнула, выпрямилась в полный рост и о чём-то надолго задумалась. Наконец, она будто очнулась.

– Тебе пора домой. Уже поздно.

Ведьма достала из вазы на кухонном столе веточку чертополоха и осторожно приколола к платью Кесси.

– Вот тебе цветок из ведьминого сада. Он защищает от зла. От человеческой подлости в первую очередь… А теперь ступай, тебя уже ищут.

С этими словами ведьма распахнула дверь, и Кесси убежала, не оглядываясь. А Энид ещё долго сидела у окна и о чём-то думала.

* * *

Утром, когда Энид вышла в сад, Кесси уже ждала её у калитки, переминаясь с ноги на ногу.

– Доброе утро!

Волшебница открыла калитку.

– Доброе утро. У тебя что-нибудь случилось?

– Я всю ночь думала и решила, – Кесси вдруг зажмурилась и затараторила. – Я тоже буду волшебницей. Научите меня, пожалуйста.

Ошеломлённая Энид закашлялась, но быстро взяла себя в руки:

– Ты хочешь учиться у злой ведьмы? – нерешительно спросила она.

Кесси покачала головой.

– Нет. У вас.

Первое волшебство
Автор: Наталья Лапшина

Бабушки бывают разные. У пятилетней Анны-Мари бабушка – злая ведьма. Она носит чёрное платье и чёрную остроконечную шляпу, у неё большой крючковатый нос с бородавкой,

а ещё бабушка летает на метле. Вчера вечером она запросто влетела в окно кухни, когда Анна-Мари с мамой ужинали.

Так вот, бабушка влетела в окно, приземлилась возле холодильника, пробурчала что-то про бесовские агрегаты и бросилась обнимать Анну-Мари.

– Какая же ты уже большая!

Девочка видела бабушку первый раз в жизни, поэтому завизжала и спряталась у мамы за спиной.

Старушка обиженно поджала губы, потом как-то неловко улыбнулась маме.

– Здравствуй, дитя моё.

В кухне стало ощутимо холоднее. Минуту или две мама и бабушка не сводили друг с друга глаз, потом мама отвела взгляд.

– Здравствуй, мам. Хочешь кофе?

Повисла пауза. Наконец мама обернулась к Анне-Мари.

– Это твоя бабушка, малыш.

* * *

В этот вечер Анну-Мари отправили спать пораньше. Девочка ушла к себе в комнату, легла в постель, достала из-под подушки плюшевого единорога, обняла его, закрыла глаза и попыталась уснуть. Но как можно спать, когда у тебя на кухне сидит настоящая злая ведьма!

Из-за стены были слышны обрывки разговора. Встревоженный мамин голос и хриплый бабушкин.

«Да, я за девочкой. Пришло время…» «Анна-Мари обычный ребёнок. Я в этом абсолютно уверена…»

Тут бабушка рассмеялась, так, будто сразу целая стая ворон закаркала.

«У неё мои глаза. И мои рыжие волосы. Я не сомневаюсь, что девочка унаследовала дар. В любом случае, это стоит проверить. Обычаи требуют, чтобы она сотворила своё первое волшебство… К тому же я совсем одна, и здоровье всё чаще подводит… Хоть в город перебирайся… А кто тогда будет хранить наши традиции?»

Анна-Мари сжалась в комочек под одеялом. Ведьма прилетела, чтобы её похитить!

* * *

Утром, когда Анна-Мари проснулась и вышла к завтраку, мама и бабушка уже сидели за столом. Мама мешала ложечкой чай. Руки у неё дрожали, а глаза были заплаканные. Бабушка пила мелкими глотками кофе из маленькой чашечки и думала о чём-то своём.

Когда Анна-Мари съела тарелку овсянки, бабушка вдруг заговорщически улыбнулась, потом достала из кармана платья огромного чёрного паука и протянула девочке. Анна-Мари в ужасе отпрянула и закричала.

Бабушка поджала губы. Потом заговорила. Почти ласково.

– Успокойся. Это леденец из чёрной патоки. Их делает мамаша Сухоцвет из Цветочного города. У вас таких сладостей нет.

Анна-Мари осторожно взяла угощение, повертела в руках, рассматривая, потом откусила одну паучью лапку.

Сладко! Анна-Мари робко улыбнулась бабушке. И вдруг заметила, что старая ведьма улыбается в ответ. Одними глазами.

Весь день бабушка сидела в кресле в гостиной и вязала что-то из чёрной шерсти. Почти как обычная старушка. Но на самом деле она наблюдала за мамой и Анной-Мари и плела волшебство.

Вечером мама зашла в комнату к девочке. Обычно они читали сказки перед сном, но не в этот раз.

Мама села на край постели Анны-Мари и погладила девочку по голове.

– Ну как ты, малыш?

Анна-Мари пожала плечами.

Повисла неловкая пауза. Мама закусила губу. Она всегда так делала, если волновалась.

– А как тебе бабушка?

– Не знаю. Она ведьма, да?

Мама невесело рассмеялась.

– Есть немного. Такое случается, если жить в лесной хижине и по целым дням ни с кем не разговаривать.

– Бабушку никто не любит?

– Почему? Её любит и уважает целый Цветочный город.

Мама отвела взгляд от Анны-Мари, помолчала с минуту, а потом заговорила медленно, взвешивая каждое слово.

– Скоро в Цветочном городе начнётся ярмарка волшебства. Туда привезут чудеса со всей округи.

У Анны-Мари заблестели глаза.

– Настоящие чудеса, как в сказках?

Мама кивнула.

– Самые настоящие. Когда я была маленькой, как ты, я ждала ярмарку весь год. Чтобы покататься на летающих каруселях, посмотреть волшебных животных и купить себе чудо, хоть самое маленькое. Однажды я так купила радужную рыбку. Принесёшь её в дом, и по всему дому разбегаются маленькие радуги, как в фонтане. И мама целый день не ругается… Даже забываешь ненадолго, что ты не волшебница…

Анна-Мари заворожённо слушала. Мама вздохнула и продолжила.

– Было бы здорово, если бы вы с бабушкой поехали на ярмарку. Тебе бы там понравилось. Только придётся лететь на метле. Не испугаешься?

Анна-Мари покачала головой.

– Нет… А ты полетишь с нами?

– Я приеду, как только смогу, малыш.

* * *

Вечером, когда зажглись фонари, мама, Анна-Мари и бабушка с большим растрёпанным помелом в руках вышли к подъезду.

Бабушка щёлкнула пальцами и скомандовала: «Вверх». Помело взлетело и замерло в метре от земли, и бабушка легко вскочила на него верхом.

Мама крепко обняла Анну-Мари.

– Если тебе там не понравится, малыш…

– Ей будет у нас хорошо, не сомневайся.

Бабушка нетерпеливо поманила девочку к себе.

– Нам пора. Садись ко мне за спину.

Анна-Мари на ватных ногах подошла к помелу и неловко села позади бабушки.

– Теперь держись за меня как можно крепче и не отпускай.

И снова скомандовала помелу: «Вверх и вперёд».

Помело оторвалось от земли. Анна-Мари зажмурилась. Потом всё-таки заставила себя открыть глаза и помахать маме.

Помело плавно набирало высоту. Как только оно поднялось чуть выше деревьев, бабушка прокричала какое-то заклинание, и они полетели так быстро, что только ветер в ушах засвистел. Анна-Мари закрыла глаза, и всё повторяла сама себе: «Только не упасть… Только не упасть». Но вдруг метла плавно заскользила в небе. Анна-Мари осторожно открыла глаза. Город остался позади. Теперь внизу не было ни одного огонька. Только огромная жёлтая луна выглянула из-за тучи. Бабушка замурлыкала себе под нос какую-то тягучую песню. Это было похоже на сон или сказку, которую Анна-Мари когда-то слышала, но забыла. Девочке вдруг показалось, что никогда не было мамы и большого города, а была только бабушка, угольно-чёрное ночное небо и луна.

Вдруг бабушка обернулась к Анне-Мари.

– Вот мы и дома. Не устала?

Внизу показался маленький городок. Всего несколько десятков домиков с черепичными крышами и флюгерами. Такое Анна-Мари раньше видела только на картинках.

Но в город они не полетели. Метла начала снижаться в лесу рядом с городком. Наконец, она опустилась перед маленькой хижиной на опушке. Совсем такой, как в сказках про ведьм. С круглыми слепыми окошками и замшелой крышей. Бабушка достала из тайника возле двери массивный медный ключ и открыла дверь. Дверь протяжно заскрипела. Пахнуло холодом и сыростью.

Бабушка взяла несколько поленьев из поленницы во дворе и растопила печку. Потом обернулась к Анне-Мари.

– Ну что стоишь столбом? Проходи. Грейся.

Анна-Мари несмело подошла к печи и протянула к огню замёрзшие руки. Бабушка тем временем достала из кухонного шкафчика несколько свечей. Стоило их зажечь, в комнате запахло воском и мёдом. Стало светло и почти уютно. Будто по волшебству, на кухонном столе появились две тарелки горячего тыквенного супа.

– Ешь. И немедленно спать. Завтра у тебя особенный день.

* * *

Уснуть на новом месте Анна-Мари, конечно, не смогла. Кровать оказалась непривычно жёсткой. В комнате было темно и страшно. К тому же что-то всю ночь шуршало и шелестело по углам. Мыши? Пауки? Или какие-нибудь чудовища?.. До самого утра Анна-Мари лежала, укрывшись с головой одеялом, и прислушивалась к ночным шорохам.

Бабушка разбудила Анну-Мари рано. За окном моросил мелкий дождик, но в доме уже было тепло. Анна-Мари умылась холодной водой из умывальника и встала перед зеркалом, чтобы сделать себе хвостики. Вдруг бабушка подошла к ней с деревянным резным гребнем.

– Сегодня мы с тобой идём на ярмарку. Там соберутся ведьмы со всей округи. Мы не можем ударить в грязь лицом.

С этими словами бабушка осторожно расчесала рыжие кудри Анны-Мари и заплела их в косу.

Потом подала девочке чёрное шерстяное платье с кружевным воротничком и высокие ботинки со шнуровкой. Почти такие же, как носила сама.

Анна-Мари переоделась. Бабушка придирчиво оглядела её, потом одобрительно улыбнулась.

– Настоящая маленькая ведьма!

– У ведьмы должна быть ещё волшебная шляпа.

Старуха ухмыльнулась.

– Шляпа тебе пока не полагается. Но как знать…

После завтрака бабушка с внучкой отправились в Цветочный город. Разноцветные волшебные шатры занимали всю главную городскую площадь. Сегодня здесь было шумно, весело и немного таинственно. Всюду ведьмы в остроконечных шляпах и обычные горожане, покупающие и выменивающие разные чудеса. Стоило бабушке и Анне-Мари появиться на площади, к ним тут же подскочили несколько ведьм.

– Здравствуйте, бабушка Рейвен! Вы всё-таки решили взять себе ученицу?

Бабушка гордо развернула плечи.

– Это моя внучка. Вчера приехала из города. А теперь расступитесь. Мы идём покупать ингредиенты для её первого волшебства.

Ведьмы удивлённо замолчали и расступились. Пока бабушка и внучка шли по рядам, за ними следовал удивлённый шёпот: «Внучка старой Рейвен… Приехала издалека… Готовятся к первому волшебству… Преемница…» Казалось, все только и смотрели, что на Анну-Мари. Девочка съёжилась под чужими взглядами, потом взяла бабушку за руку, подняла голову и постаралась ни на кого не смотреть.

Они остановились у небольшого прилавка, украшенного букетиками чертополоха. За прилавком стояла высокая худая ведьма в зелёной шляпе, надвинутой на лицо, и девочка чуть постарше Анны-Мари. Девочка была русоволосая, в чёрной мантии с брошкой-котёнком на груди.

– Здравствуйте, бабушка Рейвен. Чем могу помочь?

– Здравствуй, Энид.

Бабушка церемонно кивнула ведьме.

– Сегодня моя внучка Анна-Мари собирается сотворить первое волшебство. Нам нужно купить всё необходимое.

Ведьма Энид пристально взглянула на бабушку и внучку, задумалась, наконец, коротко кивнула.

– Думаю, вам подойдёт котёл № 5 и травяной сбор «На все случаи жизни». Идеально для начинающей колдуньи.

Она обернулась к девочке за прилавком.

– Кесси, подай, пожалуйста, травы и котёл.

Шустрая Кесси скрылась под прилавком и через секунду вынырнула оттуда с небольшим медным котлом и тремя туго набитыми льняными мешочками.

– Теперь нужно сделать зелье особенным.

Энид наклонилась к Анне-Мари.

– Чего бы тебе больше всего хотелось?

– Волшебного питомца… И чтобы мама приехала…

Тут бабушка крепко сжала руку Анны-Мари, и девочка замолчала.

– Мы попробуем создать фамильяра. Что-нибудь вроде призрачной гончей или тёмного феникса. Девочке нужна защита.

– Разумеется.

Энид широко улыбнулась и принялась заворачивать покупку.

Пока взрослые ведьмы не смотрели на них, Кесси незаметно выскользнула из-за прилавка и подошла к Анне-Мари.

– Ты сегодня в первый раз будешь колдовать?

Анна-Мари кивнула.

– Волнуешься?

– Да.

Немного помявшись, Кесси отцепила от своей мантии брошку-котёнка и приколола её к платью Анны-Мари.

– Возьми на счастье… У тебя всё получится. Волшебство, оно такое.

* * *

Вечером, когда в небе зажглись первые звёзды, бабушка Рейвен повесила над огнём новый волшебный котелок и подозвала к себе Анну-Мари.

– Мама показывала тебе, как варить зелья?

Девочка растерянно помотала головой. Бабушка Рейвен то ли улыбнулась, то ли оскалилась.

– Всё с вами ясно. Принеси мне самую большую ложку и мешочки с травами, которые мы купили. И побыстрее.

Анна-Мари достала из кухонного ящика большую деревянную ложку и три мешочка трав.

– Теперь жди, пока не закипит вода. Потом добавишь по щепотке артемизии, базилика и мандрагоры.

Увидев непонимающий взгляд внучки, бабушка Рейвен вздохнула и пояснила.

– Вот этих листиков.

Скоро вода закипела. Анна-Мари дрожащими руками высыпала в котёл несколько щепоток трав. Бабушка одобрительно улыбнулась.

– Хорошо. Теперь думай о том, чего больше всего хочешь, и помешивай зелье.

Девочка склонилась над котлом, сосредоточенно мешая зелье тяжёлой ложкой. На лбу у неё показались капельки пота, из причёски выбилась непослушная прядь.

– Прибери волосы! Ничего чужеродного не должно попасть в зелье… И убери, наконец, свою побрякушку!

Анна-Мари вздрогнула, отложила ложку, убрала прядь со лба, потом отстегнула брошку от платья. Вдруг брошка выскользнула из дрожащих пальцев и упала прямо в котёл.

Девочка испуганно сжалась. Бабушка Рейвен молниеносно подскочила к ней и оттащила как можно дальше от котла. Зелье бурлило и клокотало, разбрызгивая разноцветные искры.

– Что теперь будет?

Голос у Анны-Мари задрожал. На глаза навернулись слёзы.

– Не знаю. Теперь никто не знает, что получится. Волшебство, оно такое.

Тем временем над котлом поднялась густая пенная шапка. Вот пена выплеснулась из котла и залила огонь.

В комнате стало темно и тихо. Наконец, в котле что-то чихнуло, потом негромко мяукнуло. Бабушка Рейвен крадучись подошла к кухонному шкафчику, достала оттуда свечу, зажгла её и очень осторожно заглянула в котёл.

– Иди сюда, дитя моё. Вот оно, твоё первое волшебство…

* * *

Котёнок был маленький, чёрный, с тремя пушистыми хвостами и мерцающей изумрудной звёздочкой во лбу. Едва выбравшись из котла, он принялся тереться об ноги Анны-Мари, мурлыкать и играть с конфетными фантиками. Словом, вёл себя вполне по-кошачьи. Вот только иногда звёздочка во лбу ярко вспыхивала, котёнок загадочно щурил свои зелёные глаза на бабушку Рейвен и раздражённо поводил кончиками хвостов.

Вечером, когда Анна-Мари легла спать, котёнок устроился у неё на груди и уютно замурлыкал. Стало спокойно и хорошо, почти как дома. Вот только…

Девочка села на постели, взяла питомца на руки и зашептала в его бархатистые чёрные ушки:

– Ты же волшебный, правда? Сделай, пожалуйста, так, чтобы мама приехала. И чтобы всё у них с бабушкой стало хорошо.

Звёздочка на лбу у котёнка замерцала, в зелёных глазах вспыхнули золотые искры. В воздухе явно запахло грозой и фиалками. Где-то далеко загрохотал гром.

* * *

Рано утром, когда Анна-Мари завтракала, котёнок выбежал из хижины во двор. Девочка побежала за ним. Питомец сидел на поленнице, смотрел в небо и требовательно мяукал. Анна-Мари тоже подняла глаза.

Среди серых туч отчаянно балансировала на швабре мама. В джинсах, красной осенней куртке и с бумажной ведьмовской шляпой на голове.

Сказка про Мамашу Сухоцвет
Автор: Мария Папкова

На улице Пижмы Обыкновенной светло и уютно. Маленькие одноэтажные домики с покатыми крышами стоят так далеко друг от друга, что осенью сквозь туман не докричишься

до соседа. Снежной зимой видны только торчащие из сугробов трубы. Весной улица утопает в зелени акаций. Но большую часть года здесь царит знойное лето. Жужжат пчёлы, лениво перекатываются в пыли коты. Иногда тишину прорезает истошный крик чьей-то зожнутой мамочки: «А ну, брось! Я с тобой на больничном сидеть не буду! Что ж за ужасный ребёнок такой! Где ты взял эту гадость?» Мамаша Сухоцвет удовлетворённо прикрывает глаза. Она знает, где.

Мамаша Сухоцвет злая, очень злая ведьма. Нет, она никогда не опускается до мелких пакостей. Никто не поставит ей в вину, будто она превратила соперницу в лягушку или высыпала мусор на крыльцо соседки, подобно старым каргам, мнящим себя злыми ведьмами. Мамаша Сухоцвет мыслит глобально. Из чёрной-чёрной патоки она варит свои ужасные ЛЕДЕНЦЫ. Насадив их на длинные деревянные ЩЕПКИ, она выходит по утрам на свой ужасный промысел. Мамашины леденцовые петушки безнадёжно губят аппетит худосочных ребятишек и жутко хрустят на их молочных зубах. А самое страшное, что стоят они всего пятачок. Благодаря этому жители Цветочной долины терпеть не могут злую ведьму, и это не может её не радовать.

Живёт Мамаша Сухоцвет, как положено ведьме, в чёрном доме с высокой башенкой, четырёхскатной крышей, высокой каминной трубой и покосившимся крылечком. Соседи думают, что крылечко в доме ведьмы перекосилось от времени, но это вовсе не так. Оно является частью архитектурного замысла, равно как и скрипящая вторая ступенька. Мамаша сама придумала дизайн крыльца и очень им гордится. Собственно, жизнь удалась.

Размышляя так, в чудесный апрельский понедельник Мамаша Сухоцвет вышла из своего чёрного-чёрного дома, держа в руках корзину с леденцами, и вдруг у самого крыльца увидела огромную лужу. Благо, если бы это была лужа, полная чёрной грязи. Ведьмы грязи не боятся, и подкованные гвоздями башмаки Матушки Сухоцвет всегда готовы принять на свои тупые носы основательную порцию болотной жижи. Но то была не грязь. Лужа переливалась на солнце и сверкала розовым цветом. А ещё она пускала пузыри. Розовые.

– Что за сено-солома? – сердито спросила у лужи ведьма, боязливо потыкав её ручкой уличной метёлки.

Лужа ожидаемо промолчала. За неё ответил бледненький соседский мальчишка. Кажется, Пауль, смутно припомнила Мамаша Сухоцвет. Впрочем, не факт. Пауль был очень воспитанным мальчиком, у него никогда не было карманных денег, потому что деньги детей развращают. Среди постоянных покупателей Матушки он не числился, и имя она могла перепутать.

– Это гнездо с яйцом единорога, – авторитетно заявил мальчик. – Скоро вылупится маленький.

Ведьма с недоверием воззрилась на лужу. Она не была уверена, что единороги появляются на свет именно таким путём.

– Да, да, он вылупится, и будет здесь жить, – радовался Пауль. – Я построю ему домик здесь, под акацией? Он будет будить вас по утрам радостным смехом и оставлять в пыли следы в виде сердечек.

От столь ужасной перспективы Мамашу передёрнуло.

– Думаю, единорогов привлёк запах чёрной патоки, – тоном знатока заявил мальчик, кивнув на корзину с леденцами. – Все знают, что для них нет лучшего лакомства, чем паточные леденцы. Не меньше пары штук в день. Интересно, родители будут навещать малыша?

Мамаша Сухоцвет всегда быстро соображала.

– М… Пауль, милый мой мальчик, ты ведь любишь животных? – вкрадчиво поинтересовалась она. – Может быть, ты заберёшь это… яйцо единорога к себе во двор? Маленькому будет там гораздо удобнее, когда он вылупится.

– Но у меня ведь нет чёрной патоки, – печально заметил Пауль. Мамаша понимающе кивнула и вручила ему пару леденцовых петушков.

– Стало быть, мы договорились, – подытожила она. Пауль радостно кивнул, выловил из лужи круглое яйцо и скрылся вместе с ним за калиткой своего сада. Лужа тут же почернела и перестала бурлить. Мамаша облегчённо наступила в неё ведьминским башмаком и отправилась на рыночную площадь.

Следующим утром, выйдя с корзинкой леденцов из дома, она с неудовольствием обнаружила лужу на прежнем месте. Однако теперь она была золотой.

– Доброе утро, Мамаша Сухоцвет, – приветствовал ведьму неунывающий Пауль. Кажется, он её поджидал. – Я, как и обещал, забрал вашего единорога. О, смотрите-ка, у вас опять пополнение. Похоже, огненный феникс отложил яйцо.

Будто в подтверждение его слов, лужа рассыпала вокруг себя сноп искр. Это напоминало бенгальский огонь. Мамаша Сухоцвет не могла не признать, что сверкала лужа очень красиво. Однако иметь под боком живого феникса ей вовсе не хотелось.

– А чем питаются фениксы? – небрежно спросила она у мальчика.

Тот задумался.

– Булочками с глазурью из чёрной патоки, – предположил он наконец. – Трёх в день будет достаточно. Кстати, единорог уже проголодался. Вы дадите мне леденцов для него или покормите сами?

Мамаша Сухоцвет умела печь прекрасные булочки, а уж чёрной патоки в её кухне всегда было в достатке. Не прошло и пары часов, как еда для феникса была готова. Пауль взял пакет с булочками, леденцы, выудил из лужи нечто, подозрительно напоминающее булыжник, и исчез. Оставшиеся булочки ведьма распродала на рынке вместе с леденцами.

На следующий день лужа была фиолетовой и мурлыкала. В ней снёс яйцо шуршень.

– Шуршни живут в ведьминских шляпах, – слабо возразила Паулю Мамаша Сухоцвет, заворожённо наблюдая рябь на поверхности лужи.

– Шуршни несут яйца и едят пирожные с кремом, – не позволяющим возражений голосом заявил Пауль. Он был сегодня сердит. Похоже, у него болел живот.

Серебристый цвет лужи в четверг уже не удивил Мамашу Сухоцвет. Она сходила в дом, вынесла стакан с дымящимся зельем и протянула его Паулю.

– Отвар бессмертника песчаного, – пояснила она. – Тому, кто заботится о таком количестве волшебных животных, без него не обойтись. Так кто у нас сегодня?

– Речной дракон, – грустно сказал Пауль и залпом выпил зелье. – Ест паточные тянучки. Не меньше десятка.

– Что ж, – задумчиво протянула Мамаша Сухоцвет. – Пожалуй, я смогу их сварить. Возвращайся часа через три. Кстати, передай единорогу, я заменила в леденцах свекольную патоку на тростниковую. Говорят, она не так вредна для зубов.

Картонный дом
Автор: Мария Папкова

– Сводит с ума улица Роз… Спрячь свой обман… Да не вопрос…

Улица Роз с тревогой вслушивается в звуки, доносящиеся из распахнутого окна маленького домика *сегоднямятного* цвета. Пока это только мурлыканье, сопровождающееся звуками булькающей кофеварки. Но все хорошо знают – фея Картонна просто так мурлыкать не будет. Каждый житель улицы Роз в порядке самообороны изучил привычки милой Розовой феи.

Пчщщщ!

Звук капнувшей на раскалённую плиту пенки будоражит и бодрит.

– ОНА взялась за джезву. Надо впустить в террасу пса. В прошлый раз он долго нервничал и скулил, – озабоченно произносит борода в клетчатом пальто.

– Но ведь ещё даже не апрель! – возмущается в ответ синяя шапка с помпоном. Борода пожимает плечами.

– Барышне Картонне лучше знать, когда пришла пора.

– Белые розы, белые розы, беззащитны шипы!

– Началось. Простите, я должен сейчас быть с семьёй. Вы, наверное, недавно здесь. Ступайте домой, когда ОНА творит, на улице бывает довольно шумно.

Шпоук! Прямо из тротуара на том месте, где только что стояла синяя шапка, вырастает куст Грандифлоры. Тут же распускаются огромные бутоны. То здесь, то там прорастают кусты белых роз. Воздух наполняется одуряющим ароматом персика, абрикоса, лилии и банана.

Фея Картонна творит. Теперь лучше не мешать этой маленькой улыбчивой девочке. Сегодня она нарядилась в бежевое платье и капор с лентами, завязав под подбородком огромный бант. Не обошлось без роз – края капора украшают кремовые цветки гималайской мускусной розы.

Кто сказал, что домик ведьмы обязательно должен быть чёрным? Домик феи Картонны *иногдачёрный, временамидвухэтажный, понастроениюполныйсвета* . Эти странные определения привычны жителям улицы Роз. После её колдовства домик Картонны с тихим хлопком меняет свою форму. В тот же миг на книжной полке появляется уменьшенная копия прежнего жилища феи. Проныра Пауль с улицы Пижмы клянётся, что однажды был с матерью в гостях у Картонны, заглянул в окно одного из домиков и увидел на крошечной полке крошечный домик ведьмы, но ему мало кто верит. Его послушать, так у него единорог в сарае живёт.

Двенадцатый удар башенных часов Цветочной долины сопровождается дружным облегчённым вздохом. Хорошо, что у феи всё получилось. Жители улицы Роз любят маленькую Картонну. Она щедро украшает улицу цветами, варит прекрасное варенье из бутонов роз, которое не портит зубов, сушит розовые пастилки от кашля и настаивает на благоухающих лепестках лосьон от бородавок, который сделает гладкой даже кожу жабы. По слухам, она даже варит из роз приворотное зелье. Но оно не пользуется такой популярностью, как волшебный отвар Энид Чертополох из Сорнякового переулка. Всё-таки приворотное зелье должна варить ведьма постарше.

– Где мой котёл!

Это что-то новенькое. Жители улицы Роз отпирают щеколды и откидывают крючки. Щёлкают дверные замки, отодвигаются от входных дверей комоды. Люди и животные боязливо тянутся к *теперьслоновойкости* двухэтажному домику феи Картонны. От её плача осыпаются лепестки роз на кустах, а голос у феи, невзирая на малый рост, громкий и хорошо поставленный. Не услышать её мало кому удаётся.

– Что-то случилось, барышня Картонна? – участливо спрашивает шаль из собачьей шерсти. Девочка в соломенной шляпке, украшенной нежными розами и большим кремовым бантом, обиженно хлюпает носом.

– Случилось, бабби Маус. В мой дом забрался вор.

– И что украли, милочка?

Это давешняя синяя шапка. Фея бросает на неё испепеляющий взгляд. Трудно смотреть свысока, имея внешность маленькой девочки четырёх футов ростом, но у Картонны впереди годы на отработку этого навыка. Надо же, «милочка»! Синяя шапка слегка съёживается, но глаз не отводит.

– Котёл с уменьшающим зельем, – неохотно поясняет девочка. Толпа понимающе кивает.

У феи улицы Роз есть секрет, о котором не принято говорить вслух. Она делает на продажу кукольные домики. Интернет-сеть гудит от возбуждения. Покупатели из дальних стран готовы платить баснословные деньги за садики на ладошке и кроватки размером с грецкий орех для своих игрушечных любимцев. Километры обсуждений пользователей посвящены материалам и инструментам, с помощью которых мастерица из Цветочной долины создаёт свои шедевры. Они ведь не знают о том, что она умеет колдовать. Хотя в профиле Картонна честно написала «Йа – фейа». Видимо, не поверили.

– Вам нужен детектив, – синяя шапка, оказывается, никуда не ушла и даже не особенно испугалась взгляда феи. Придётся ещё потренироваться, мельком отмечает для себя Картонна. – Моя бывшая соседка с Лавандовой улицы, наверное, могла бы помочь. У неё

однажды ведьминскую шляпу украли, так она, говорят, преступника очень быстро нашла. Правда, шляпу ей так и не вернули.

– Мне нужен мой котёл! – в голос плачет фея, совсем расстроенная перспективой окончательной пропажи котла. – Он внутри бабушкиной античарной эмалью покрашен, уменьшающее зелье только в нём можно сварить. Другая посуда во время варки уменьшится…

Жители улицы Роз понимающе кивают. Они, как могут, утешают фею и вспоминают её бабушку. Вот уж Сыва была карга так карга, с бородавками на носу, горбатая, всё при ней. Жалко, что она заблудилась и пропала из города. Не повезло малышке уродиться в мать. Трудно, трудно ей в жизни приходится. Посылают за Зангадой. Очень скоро ведьма-детектив с Лавандовой уже бродит по дому, разглядывая в лупу собственные башмаки. Почему-то ей никак не удаётся сфокусироваться на других предметах. Зато она освоила заклинание дыма без огня. Теперь из её трубки непрерывно поднимается струйка дыма, пахнущая лавандой. Внезапно башмак Зангады прилипает к полу, и она грозно смотрит на Картонну.

– Это не я. Правда-правда, – уверяет Зангаду Картонна. Видя, что ведьма-детектив не верит, краснеет и начинает объяснять подробно. – Я варю в своём котле, том, что пропал, уменьшающее зелье. Когда зелье готово, оно поднимается пузырём и лопается. Мой дом уменьшается, на его месте возникает новый, тот, что я наколдовала, пока варилось зелье. Из прежней обстановки в доме остаёмся только я и котёл. А теперь котла нет! И полы наколдовались грязными, как так?

Зангада глубоко задумывается. Вдруг она обнаруживает, что башмак, которым она наступила в липкую лужу, становится ей тесен. Вытащив из него ногу, она с удивлением видит, что башмак продолжает уменьшаться. Скоро он становится совсем крошечным и, сверкнув, подпрыгивает на полу.

– Уменьшающее зелье сработало, – удивляется Картонна. – Но почему оно разлито по полу? И где котёл? Согласно моему колдовству, в полдень котёл оказывается на плите обновлённого домика, а остатки зелья я сливаю в обработанную изнутри бабушкиной античарной эмалью бутылочку.

– А где прежний домик? – Зангада деловито сбрасывает и второй башмак. Ходить босиком ей не привыкать. Главное, в липкую лужу босой ногой не наступить. А то уменьшишься, как… В голове у Зангады вырисовывается картина преступления.

– На полке. Хотите посмотреть?

Посмотреть хотят все. В гостиной феи на полке выставлены несколько милых домиков, ещё не нашедших своих покупателей. Картонна указывает на светлый домик мятного цвета, и Зангада склоняется над ним.

– Вот! – торжествующе восклицает она и двумя пальцами вынимает из домика рыжего Эркюля, кота с соседней улицы. Тот сладко спит на кушетке в крошечной комнате. – Теперь всё ясно. Кот запрыгнул в окно кухни, когда колдовство уже началось. От испуга он вскочил на плиту и свалил котёл. Часть уменьшающего зелья попала на пол нового домика, а часть на котёл. А вот и сам котёл.

Очень довольная собой, Зангада поднимает с пола кукольного домика крошечный колдовской котёл. Эркюль виновато мяукает. Фея Картонна в последний раз шмыгает носом и умилённо смотрит на Эркюля.

– Какой милашка! Как вы думаете, его хозяйка сильно расстроится, что он стал таким крохой?

Сильно ли расстроена хозяйка Эркюля его новым обликом, в чьих башмаках возвращается домой Зангада, как зовут синюю шапку – ответов на эти вопросы я, увы, не знаю. А вы знаете?

Кисломолочная ведьма из Репейного тупика
Автор: Илья Смольняков

Взбив желток в пену маленьким венчиком, Сыва аккуратно нанесла получившуюся субстанцию на свои усы – может, не самые пышные в Долине… А может, и самые. Всё-таки мода

успела поменяться уже много веков как. Ох уж эти молодые ведьмочки с их напомаженными метёлками, аккуратными шляпками и чайными сервизами! Никакого уважения к традициям…

Закончив прихорашиваться, ведьма ещё раз взглянула на письмо, появившееся на пороге: «*Самый весёлый в мире шабаш, завтра, 13:00, кофейня Старого Маркукуса*». Розовая бумага, пахнущая отвратительно (роза, лаванда и бергамот!), золотые буковки, словно жуки… Давненько её, Кисломолочную Сыву, не приглашали на приличный шабаш. Наверное, с тех пор, как она попортила скот Старой Глунде… Сколько лет прошло, двести, триста?.. Да не помнит никто, наверное.

Сыва не спала всю ночь, вслушиваясь в храп своего фамильяра – старого козла Бобуса – и злилась на саму себя. Чего разволновалась, как девчонка? Ну выпала немного из жизни, ну с кем не бывает. Пригласили – хорошо! Помнят. Не просто же так позвали. Может, сглазы новые изобрели…

Утром Сыва, обливаясь потом, вытаскивала из кособокой пристройки свой летательный аппарат – дубовую дуру, напоминающую большое ведро размером с небольшой домик. Как завидовали соседские ведьмы, когда Сыва заполучила эту ступу! Да где они все теперь… С грустью ведьма окинула взглядом Репейный тупик – заросший репейником аппендикс, в который с улиц города можно было попасть только безнадёжно заблудившись. Это делало каждое возвращение домой приключением, зато отгоняло озорников и зевак.

– Эй, Бобус, помнишь, мы с Крыслой тут крыс заговаривали, чтобы они Румбусу хлеб погрызли? – задумчиво спросила Сыва, присев отдохнуть на край дуры.

Старый козлик зевнул, икнул и покосился на развалившийся дом Крыслы, Крысиной ведьмы, давным-давно отправившейся на Юг. Все остальные дома тупика (кроме, конечно, дома самой Кисломолочной Ведьмы) тоже развалились – либо хозяева не смогли отыскать дороги домой, либо просто ушли кто куда, переселились или умерли (что своего рода тоже большой переезд).

Немного отдохнув, Сыва принялась шептать, вдувая жизнь в закостеневшие деревянные бока своей летательной дуры. Заскрипев, та поднялась в воздух вместе со своей хозяйкой и, сбив башенку с высохшего соседского дома, полетела в сторону Шабаша…

– Эээ… – ошарашенно протянула Пилинопа и отхлебнула чая. – Конечно. Конечно, да. Конечно, мы. Конечно, приглашали.

– Ну и отлишно, – крякнула Сыва и плюхнулась между двумя тоненькими ведьмочками, от такого движения подпрыгнувшими на полметра в воздух. – Это что за мерзкая отрава? Поделитесь рецептом?

– Это маття-чай, – гнусаво ответила Корнитоптия, поправив очки. – Очень полезно. Прочищает организм.

– Заговор на понос! Чудесно-чудесно. Или изо рта тоже выходит? – захлопала в ладоши Сыва, и усы её растопорщились, как две щётки.

– Простите, – тихо прошептала Мимзи-Тюлль, маленькая розовощёкая ведьмочка в смешной шляпке-кошечке. Другие две ведьмы периодически поглядывали на неё, словно пытаясь надавать той тумаков своими взглядами.

– А… Как… – проблеял вышедший из подсобки официант, показывая пальцем на снесённое летающей деревянной дурой крыло ресторана. – Это…

– Это не я. Это… Он! – показала Сыва пальцем на полного джентльмена, засыпающего над кружкой пива. Пилинопа прижала ладони к глазам и глубоко вдохнула:

– Спасите.

– …И это лучший способ испортить молоко. Вот! – гордо произнесла Сыва и пригладила усы. Три ведьмы, словно высушенные селёдки, медленно плелись за ней, с каждой минутой усыхая и бледнея.

– Но зачем?.. – тихо, из последних сил, выдохнула Корнитоптия, ловя на лету очки, свалившиеся с носа.

– Как – зачем? – остановилась Сыва. – Что ещё ведьме делать? Сглазы, порчи, проклятья, мелкие пакости, большие шалости…

– Мы таким не занимаемся… Мы хорошие! – оседая на землю, выдавила из себя Мимзи-Тюлль.

– Не хорошей ведьма должна быть, а…

– Хватит! Хватит! – топнула ногой Пилинопа, и несколько огненных бабочек выпрыгнули из-под её ноги. – Достало! На дворе что, пятый век? У меня тридцать восемь заказов на витражи! Тридцать восемь! У Корнитоптии – спецэффекты на трёх свадьбах на неделе! Какая порча молока, бабка ты несуразная?!

Сыва аж присела и обиженно произнесла:

– Витра… Шмитра… Не знаю я этого вашего… Новомодного… Чего звали тогда, если слушать не хотели?

– Я случайно-о-о-о письмо-о-о-о потеря-я-я-яла-а-а… – заныла Мимзи-Тюлль, превращаясь в большую прозрачную розовую соплю. Сыва нервно сглотнула и отошла на шаг. Чего только не понапридумывали… Сглотнув обиду, она подбоченилась и грозно произнесла:

– Ну и ладно. Ну и пожалуйста. Чтоб у вас у всех… Да ну вас, поросячьи хвостики!

С этими словами (и с тяжёлым ощущением где-то в глубине груди) Сыва затопала в неизвестном направлении, грозясь кулаками всем прохожим.

Теряться в городе стало задачей сложной – везде понавешали каких-то указателей, да и фонари не давали заплутать во тьме… – Глупые малявки, – бубнила Сыва, пиная жестянку. – Совсем забыли, каково быть настоящей ведьмой. Любви человеческой захотелось. Дешёвой популярности… Позёрки! Мы почему никогда в деревне не селились – да не пускали нас туда, нас самих выгоняли за реку… Ан нет, хорошенькими быть захотелось. Людишкам прислужить… Расфуфырки приторные, слизнекрысы недодавленные… Енотокрысы… Пожухлые… Собакокрысы… Крысо… Крысы… Тьфу!

На пути оказался высокий забор – пришлось перелезать и падать в большой куст ежевики. Едва выбравшись из колючей ловушки, Сыва обнаружила себя в аккуратном дворике с небольшим бассейном. Поддавшись ведьмовскому инстинкту, Сыва нашептала в воду, обратив её прокисшим молоком. То-то же! Открыв дверь в дом простым заговором, ведьма начала веселиться, превращая свежую еду в протухшую, засушивая цветы и обращая ложки с вилками в маленьких волосатых хрюшек. Последним она увлеклась так сильно, что не заметила приближения хозяйки дома.

– Так-так, – послышалось за спиной. – Я, конечно, понимаю всё, но вот этого я не понимаю вообще.

Обернувшись, Сыва встретилась взглядом с остроносой седой ведьмой в остроконечной шляпе:

– Крыс… Крысла?!

– Сыва? – недоверчиво произнесла ведьма, снимая шляпу. – Я думала, если честно, что ты давно… Ушла.

– Это ты ушла! На Юг!

– И вернулась. Лет через сто. Репейный тупик, правда, найти так и не смогла… Извини за вопрос, но почему ты мои ложки в свиней обращаешь?

– Это не я, – с каменным лицом заявила Сыва и превратила в свинку ещё одну ложку. Крысла вздохнула и села рядом:

– Что случилось?

Сыва шмыгнула носом:

– Ведьмы… Пригласили… Дуры… Мелкие… Маття… Витра… Жи…

Голос предательски задрожал, и Сыва замолчала. Крысла вздохнула и взяла руки старой подруги в свои:

– Изменения – это всегда страшно. Но я, видишь, больше крыс на амбары не напускаю. Я их теперь оттуда отвожу, а мне за это деньги платят… Да и крысиное молоко экспортируем в школы заграничные… В качестве гуманитарной помощи…

– Что, ты тоже продалась?! Маття-предательница!

– Не продалась. Просто решила не исчезать, как Старая Глунда или Морма Кроликопригубительница. Скота у людей теперь не так много, что тебе дадут твои порчи? Сейчас гуманизм в моде. Взаимопонимание. Семейная терапия. Куда тут твои сглазы?

– И что мне теперь… Что мне, всё – испариться, финита ля комедия?!

Крысла кротко улыбнулась:

– Да не обязательно. Знаешь что, а пойдём блины печь? У меня, кажется, целый бассейн кефира теперь. Да и кстати, я неподалёку один домик приобрела, можно его в закусочную переделать… Сейчас кисломолочные продукты всякие в моде, особенно, знаешь, violence-free…

Спасти рядового Бобуса
Автор: Илья Смольняков

– Я не вполне уверен, как это есть, – сказал Рокси, безуспешно пытаясь приподнять блин, похожий скорее на матрас или надгробную плиту.

– Мне бы твои пробле-е-е-емы-ы-ы, – донеслось жалобное и хлюпающее из-за соседнего стола, где Мимзи-Тюлль, маленькая розовощёкая ведьмочка, пыталась попасть вилкой по микроскопическому блинчику, пытавшемуся ещё и увернуться от её не очень-то ловких тыков. Когда блин спрыгнул с тарелки и спрятался под столом, Мимзи-Тюлль наконец-то сдалась и, отбросив вилку, разревелась в полную силу.

– Да-а-а… Что-то тут не так, – заключил Рокси и направился в сторону кухни.

«Самые вкусные Кисломолочные Чудеса Кисломолочной ведьмы Сывы, или Блинная на Грушевой улице, или просто Лучшая Блинная в Цветочной долине» открылась несколько месяцев назад и сразу привлекла внимание горожан изящным и метким названием (по мнению Сывы, владелицы и главной поварихи) или, что более вероятно, замечательными блинчиками с чудесными творожными начинками (по мнению её подруги, Крыслы, Крысиной Ведьмы).

Сейчас Сыва работала на кухне, точнее – ругалась на летающие в воздухе поварёшки и миски:

– А ну спустились, крысодеревяшечные обглодыши! Пеньки деформированные! Напёрстки перерощенные!

– У вас всё хорошо? – тихонько прокравшись на кухню, спросил Рокси. Кадка с мукой, торжественно перевернувшись, осыпала его мукой, раскрасив чёрный балахон и двоерогую шляпу белыми пятнами, что придало мальчику совсем уж бездомный вид.

– Хорошо?! Да ты глянь на эти хлебобулочные недоразумения! – одной рукой Сыва схватила уползающий под стол блин, больше похожий на змею, а другой – поварёшку, упрямо пытающуюся вылететь в окно. Нахмурившись, ведьма наконец-то оглядела вторженца. – А ты вообще кто?

– Рокси! Ведьма… Только пока не знаю – чего, если честно.

– Ведьма? С каких пор мальчиков в ведьмы стали брать? Не бывает такого, – хмуро произнесла Сыва, скручивая блинную змею в узелок.

– Да в мире много чего вообще не бывает. Летающих блинов, например, – заметил Рокси, усаживаясь на перевёрнутую кадку. – Если чего-то не бывает, это ещё не значит, что этого нет. А что у вас случилось-то?

Сыва вздохнула, подняв целое облако муки в воздух, и села на пол – кастрюльки подпрыгнули и затихли, вслушиваясь:

– Козёл один… Бобус, фамильяр мой, то бишь, остался в Репейном тупике, в моём доме старом. А туда один путь – заблудиться. Такое у него защитное заклинание – шесть сотен лет уже держится, вот качество было… Я раз пыталась, два пыталась, три пыталась… Но везде тут указатели, сердобольные прохожие, фонари, куда ни пойдёшь… Сидит там Бобус, наверное, один, ковёр дожёвывает. А ковёр-то от султана! Шестнадцатый век!

– А блины при чём? – Запутался мальчик.

– При том, что без него моя волшба совсем разболталась. Привыкла я на него полагаться… Мне его фея подарила… Да чего я тебе вообще это рассказываю?

Рокси деловито отряхнулся, откашлялся и, спрыгнув с кадки, чинно подошёл к Сыве:

– У меня деловое предложение! Я вам Бобуса верну, а вы мне – годовой абонемент на блины.

– ЧТО?! И что случилось с рыцарством?! – поперхнулась Сыва.

Рокси хитро улыбнулся:

– А я не рыцарь. Я ведьма!

Конечно, задачка стояла та ещё: заблудиться.

– Он окончательно сошёл с ума, – гнусаво протянула неприметная ведьма в больших очках, Корнитоптия. Держа в руке чашку маття-чая, она наблюдала за Рокси. Тот натянул шляпу на глаза, зажал уши и с оглушительным «ла-ла-ла» бегал по площади кругами, сбивая по пути бродячих котов, кадки с цветами и неповоротливых прохожих.

– Не-е-е-ет, он так и не отдал мне пластинки-и-и с музыко-о-ой, – начала хлюпать носом Мимзи-Тюлль, постепенно розовея и оседая на землю, словно большая грустная медуза, – откуда мне их потом забира-а-а-ать? Из дурдо-о-ома?..

Третья ведьма, Пилинопа, задумчиво почесала подбородок и вынесла вердикт:

– Нет, не получится. Вообще, у меня появилась идея! А что, если…

И в этот момент Рокси испарился в воздухе, оставив за собой лишь след из перевёрнутых кошек и рассыпанной земли.

* * *

Шумит что-то и дует.

Рокси поёжился и приобнял себя за плечи. Сегодня дома холодновато. И мокровато… И как-то совсем не по-домашнему. И ветер… Окно, что ли, забыл закрыть? И чайник воет, словно собака дикая. Жуть какая…

Приоткрыв глаза, Рокси резко встал и, стараясь не поддаваться панике, завертелся на месте, высматривая вокруг хоть что-то знакомое… Но его окружал лес. И много-много снега.

– Прилетели. Это точно не Репейный тупик… – растерянно сказал он и сел на подвернувшийся кстати пенёк. Пенёк – это хорошо. Если есть пенёк, а дерева нет, значит, есть кто-то, кто дерево это срубил и утащил в неизвестном направлении. Люди! Или очень уж старательные бобры.

Покинув пенёк (пока, пенёк!), Рокси засеменил в самом приятном для ног направлении – вниз, перепрыгивая через небольшие сугробы и сломанные ураганами ветки. Руки уже несколько онемели, и холод начал покусывать пальцы своими острыми маленькими зубками.

«Плохо… Если не найду тепло в ближайшее время, придётся поварёшки к культяпкам приделывать», – усмехнувшись про себя, подумал мальчик.

Выбежав на небольшую полянку, он споткнулся о что-то тёмное, кувыркнулся, кубарькнулся и врезался в небольшое деревце. Открыв глаза, он увидел страшную картинку: несколько больших тощих волков подкрадывались к маленькому чёрному козлёнку, барахтающемуся в сугробе (куда, по несчастливой случайности, запнул его бегущий с холма Рокси).

Вопреки всякому здравому смыслу, мальчик вскочил, растопырил руки и ноги и зарычал на волков, в замешательстве переглянувшихся в ответ на подобное безобразие. Пока волки решали, с какой стороны лучше начать отгрызать кусочки от незадачливого вторженца, Рокси схватил козлёнка и ловко забрался на дерево, словно паника придала ему какую-то волшебную силу.

«Может быть, я Ведьма Забирания на Деревья в Экстремальных Ситуациях? Как-то это не очень многообещающе звучит…» – промелькнуло в голове.

Усевшись поудобнее, Рокси спрятал руки под тёплое тельце козлика и прижался к нему всем телом, согреваясь и согревая крохотное существо. Так они просидели целый день и целую

ночь, пока волки не устали ждать и не ушли охотиться куда подальше. То ли из-за недосыпа, то ли ещё почему, но Рокси показалось, что один из волков выругался и плюнул в снег на прощание.

«Грубиян», – недовольно думал мальчик, летя вниз головой с дерева прямиком в сугроб – руки и ноги затекли, да и действие Экстремальной Древесной Магии уже давно закончилось. Отлежавшись секунд десять и поймав Бобуса, решившего на этом этапе отправиться в самостоятельное приключение, Рокси встал и побрёл куда глаза глядят, надеясь рано или поздно выйти из злополучного леса. Козлик сразу уснул в его руках, смирившись, видимо, со своей судьбой заранее, какой бы она ни была.

Они шли долго, оставляя за собой глубокий след в снегу, проваливаясь по пояс и даже по шею там, где лесные тропки перемещались небольшими ущельями и замёрзшими речушками…

– Дураки! Дураки! Крысо… дураки! – услышал он тонкий голос впереди и ускорился. На маленькой вытоптанной полянке маленькая круглая девочка кидалась камнями в деревья, не переставая на кого-то ругаться. Чем-то её манера говорить напоминала одну старую знакомую Рокси, да только вот «старую», а не «маленькую и круглую».

Внезапно ощущение осознания накрыло Рокси с головой, и в глазах его мир помутнел, на мгновение раздваиваясь (на один миг он углядел приземистое здание блинной и растёкшуюся по полу Мимзи-Тюлль), но, мотнув головой, Рокси вернулся в холодный зимний лес.

– Что с тобой, о дева? – почему-то Рокси решил, что следует говорить, как в старых книжках, да ещё и глубоким голосом, словно умудрённым тысячами опасных приключений.

Дева обернулась и замахнулась камнем:

– А ты ещё кто, помятый такой? Я тебя в деревне не видела!

– Не из поселения деревенского типа явился я… Кх… Я не из деревни, я… Не местный.

– Ладно тогда. Живи, – мрачно сказала круглая девочка, продолжая бросаться камнями в деревья.

– Не расскажешь, что тебе эти деревья сделали? – осторожно поинтересовался он, приближаясь.

– Деревья? Ничего. Это в деревне – дубы дубоголовые! – девочка нахмурилась и села в снег так, что снежинки и веточки подскочили вверх.

– Выгнали меня, сказали – не такая, не сякая, одни неприятности, ведьма, наверное. Всем запретили со мной играть и в лес вывезли.

«Другие времена», – попытался подумать Рокси, но вместо этого в голове возникли совсем другие мысли.

– Знаешь, может, оно и к лучшему. Зачем тебе эти дубоголовые? Заразят ещё своей дубоголовостью… – садясь перед девочкой на колени, сказал Рокси.

– Даже если ты ведьма, в этом нет ничего плохого. Только вот настоящей ведьме фамильяр полагается. Например, козлик. Чёрный. Вот такой.

Мальчик протянул девочке козлика, и та, взяв его осторожно на руки, прижалась к нему щекой:

– Тёплый. Хороший. Ты фея?

– Э-э-э… Допустим. Да. Я лесная фея фамильяров.

– Помятая какая-то фея, и балахон у тебя грязный.

– Кризис у нас в стране фей. И вообще, не придирайся, – обидчиво сказал Рокси, вставая.

Девочка, кажется, уже забыла про «фею», переключив всё своё внимание на козлёнка, ласково мекающего ей в ответ:

– Мы им всем покажем… Бобус. Вот так тебя назову. Как большой магический боб. Все будут нас бояться, никто нас больше не выгонит, все с нами будут играть…

Закусив губу, Рокси начал отступать с полянки, медленно растворяясь в снегу, и мир начал вибрировать, рассыпаясь, теплея, обрастая знакомыми улицами и домишками, знакомыми лицами и личиками.

Похрамывая, Рокси открыл дверь «Самых вкусных Кисломолочных Чудес Кисломолочной ведьмы Сывы, или Блинной на Грушевой улице, или просто Лучшей Блинной в Цветочной долине». В центре обеденного зала стояла Сыва, а рядом – Бобус, поседевший от времени, но всё ещё весёлый и бодрый. Их окружили три ведьмочки – Мимзи-Тюлль, Корнитоптия и Пилинопа. Заметив мальчика, Пилинопа удивлённо спросила:

– А ты где пропадал? Мы тут Бобуса нашли. Немного магии, немного амнезии…

– Ха! А я говорила, что мальчик-ведьма – это глупости, – самодовольно заявила Сыва. – Никаких бесплатных блинов! Денежки мои денежки, будете вы при мне, ху-ху-ху! То есть, кхе, условия сделки выполнены не были, за сим…

– Что ж, видимо, так, – устало улыбнулся Рокси, стараясь не закашляться.

– Ничего, не расстраивайся, всё за наш счёт, – усмехнулась Корнитоптия, взъерошивая его волосы, – наедимся до отвала. Сыва сегодня почти не ужасно противная. Даже «нуднокрысой» меня не называла… Почти.

– Спасибо, но я что-то устал. Пойду отлежусь дома.

– Как знаешь, – пожала ведьмочка плечами. – Если что – прибегай…

Выходя из блинной, Рокси обернулся. То ли из-за недосыпа, то ли ещё почему, но ему показалось, что старый Бобус подмигнул ему на прощание.

Снова в Репейном тупике
Автор: Мария Папкова

…Мама, а вот представь, что в твоём детстве к тебе пришёл бы незнакомый мальчик и сказал: «Если у вас когда-нибудь будут дети, и один из них в возрасте, скажем, восьми лет

нечаянно прожжёт ковёр в гостиной, вы уж там как-нибудь полегче с ним» – ты бы ему что ответила?

Рокси почёсывал нос рукавом форменного балахона и прокручивал в голове предстоящую беседу с мамой. А может, мама ничего и не заметит? Рокси ведь вовсе не собирался разливать содержимое котла, просто запнулся о ковёр. Да и что такого было-то в котле, так – чабрец, маринованные щупальца растопырника, яичная скорлупа… Точно, белок-то надо было взбивать отдельно от желтка, как он мог об этом забыть! Но он честно попробовал всё исправить, вытер лужу кухонным полотенцем и засыпал мокрое пятно содой по совету вездесущего Пауля. Тот пользовался у местной детворы безоговорочным авторитетом в области «смешать и посмотреть, что получится».

Некоторые опыты, проводимые новичками, дают поистине ВЗРЫВНОЙ результат.

Единственным выходом теперь было изменить ход истории. Всем известно, что путешествия в прошлое невозможны. Иначе ведьмы, а их в Цветочной долине видимо-невидимо, давно навели бы вокруг себя порядок, меняя неугодные события минувшего на угодные. Результат этой уборки страшно себе представить. Однако Репейный тупик находился во Вневременье. Значит, все события происходили в нём одномоментно, и никаких парадоксов произойти не могло.

Однажды Рокси уже побывал в Репейном тупике. По доброте душевной он отправился на поиски Сывиного козлика. В наши дни доброта – большая редкость. В награду Репейный тупик назначил Рокси на роль феи-крёстной маленькой Сывы, будущей Кисломолочной ведьмы. Хорошо, что об этом не знают его друзья… Теперь Рокси часто снились прялки, тыквы и розовые кусты. В школе он преуспевал в телекинезе, анимации объектов и полёте, а вот алхимия и предвидение давались из рук вон плохо. На результаты домашней работы по алхимии он и взирал сейчас, всё сильней осознавая, что бежать на поиски Репейного тупика надо прямо сейчас.

Защитное заклинание, шестьсот лет не пускавшее в Репейный тупик кого попало, было довольно легко обойти. Находишь где-нибудь три сосны и начинаешь петлять между ними с закрытыми глазами, бормоча «Бежал, упал, отжался». Сосны росли в ближайшем парке. Крепко зажмурившись, Рокси принялся бегать вокруг них, а потом резко открыл глаза. Он оказался в знакомом лесу. Сквозь полосу деревьев виднелись разноцветные домики с остроконечными крышами. Цветочная долина разрасталась. Сегодня прошлое, в которое попал Рокси, было не столь отдалённым. Что ж, теперь он должен написать самому себе письмо с напоминанием, как НЕ НАДО готовить зелье удачи, и отправить его по почте с указанием даты доставки. Всё просто.

– Ну, здравствуй, милая крёстная, – раздалось рядом. Рокси обернулся и увидел девушку, рослую, походившую лицом на плохо пропечённый блин, но не лишённую определённого обаяния. Таким обаянием обладают, к примеру, воспитательницы в детских садах. Хорошо, что Рокси уже перерос период беззаветного обожания этих грозных особ.

– Подождите минутку. Разве я знаю вас откуда-то? – нахмурился он. Девица грозно посмотрела на него. Из-за широкой юбки высунулся кормленный чёрный козёл и тоже глянул на Рокси недобро.

– Сыва? Что случилось? Ты такая… сердитая.

– А ты не знаешь? – молодая Сыва упёрла руки в бока, и Рокси стало не по себе. – Волшебная лавка феи-крёстной, которую ты открыла. Теперь каждый житель Цветочной долины с утра тащит к твоему крыльцу тыкву, чтобы укатить на весь день в ближайший город на самоходной карете. Ровно в полночь карета превращается в тыкву, но не беда. Дубоголовые жители деревни готовы хоть целую ночь пешком тащиться обратно с тыквой под мышкой. Не все возвращаются, но некоторые настойчивы. Приходит рассвет, и вот они, пыльные и довольные, снова у твоего крыльца. Никто не работает в поле, не готовит еду, не делает сыр. Все с раннего

утра занимают очередь к твоей проклятой лавке, где счастье раздают задаром. Спасибо тебе, добрая фея. Кстати, странно ты выглядишь. Такая маленькая.

– Мы, феи, до того впечатлительны, что стареем и молодеем так же легко, как обычные люди краснеют и бледнеют, – вывернулся Рокси. – Как твои волшебные блины?

– Блины как блины, – пожала плечами Сыва. – Ничего волшебного.

– А белки ты взбиваешь отдельно от желтков?

Сыва озадаченно посмотрела на него. А Рокси уже широкими шагами шагал к деревне, Сыве и Бобусу пришлось следовать за ним.

– Ты ведь сама меня учила, только так можно достичь летучего воздушного эффекта. Ай, что с тебя взять, ты ничего не помнишь. Неудивительно, что я захватил… Захватила тут всю власть. Ведь первой ведьмой Цветочной долины должна была стать ты, а ты за двадцать лет блины жарить не научилась. Просто беда. Брысь!

Последнее относилось к Бобусу, который попытался боднуть Рокси под коленки, но от его грозного крика сконфузился и стал скромно жевать листик молодой крапивы.

Лавка феи-крёстной была заперта. Табличка на двери гласила «Закрыто до рассвета», но внутри слышались разговоры, и Рокси решительно постучал. Дверь открыла милейшая девочка лет восьми с розовым бантом в розовых туфельках. Вылитая Розовая фея.

– Фея-крёстная спит, – нелюбезно сообщила она, оглядывая пыльную троицу с ног до головы. – Возвращайтесь с рассветом.

– А ты кто такая? – озадаченно спросил Рокси. Девочка нахмурилась.

– Картонна, её дочь.

Желание Рокси видеть фею-крёстную при этих словах возросло. Он юркнул в лавку и заорал собственное имя. На втором вопле дверь в глубине лавки распахнулась. Фигура в малиновом балахоне и широкополой шляпе поманила мальчика, и он шагнул в маленькую тесную каморку.

Рокси стоял и сердито смотрел на взрослую версию самого себя. Пожалуй, выглядит он неплохо, но этот ужасный малиновый…

– Тыквы?

Взрослая фея уныло кивнула.

– Единственное колдовство, которое мне удаётся. Видишь ли, когда я подарил Сыве козла, образовалась временная петля. Один я, то есть ты, отправился домой, а другой застрял здесь. Мне пришлось как-то зарабатывать на жизнь. Хорошо, что тыквы растут везде.

– Дочь? – обвиняюще продолжал Рокси-младший. Старший уныло кивнул.

– Её мать уехала в карете из тыквы вскоре после рождения Картонны. Она была ведьмой, хорошей ведьмой. Варила всякие зелья и делала варенье из ревеня. А потом изобрела античарное покрытие и обмазала им свою новёхонькую карету. В полночь тыква не превратилась обратно. Я никогда не видел Еву такой счастливой. Больше я её вообще не видел. С рассветом она покинула деревню навсегда. Перебралась в город, наверное.

– А ты зачем остался? Первой ведьмой Цветочной долины должна была стать Сыва. Немедленно идём домой.

Рокси младший сердито дёрнул старшего за рукав, и тот, к его изумлению, исчез. Только малиновые одежды грудой лежали на полу.

– Во влип, – растерялся Рокси. Он вышел из комнаты и невинно взглянул на Сыву.

– Милая крестница, если тебе однажды встретится похожий на меня мальчик, потом, много лет спустя, когда ты уже будешь знаменитой ведьмой, ты, главное, помни, он делал всё по доброте душевной и сильно не ругай его… Теперь я вынуждена покинуть тебя навсегда, оставив в дар лавку, полную сюрпризов, и это прелестное дитя.

Он быстро протиснулся на улицу, воспользовавшись замешательством Сывы, ловко увернулся от бодливого Бобуса и припустил бегом по улице. Вслед донёсся встревоженный возглас Сывы:

– Эй! Я не могу быть её мамой…

– Тогда будь ей бабушкой! – великодушно разрешил Рокси и прибавил шагу. Почта, почта. Где же почта? О, нет. Он заблудился. Как не вовремя.

– Рокси, – мама потрясла его за плечо, и голос её звучал неласково. – Что ЭТО????

Похоже, она всё же заметила прожжённый ковёр.

Ведьма с Ромашковой улицы
Автор: marrtin

В самом конце Ромашковой улицы, в белоснежном домике, похожем на чудесное сливочное мороженое, живёт ведьма Бьянка. Конечно же, Бьянка – как ещё могут звать ведьму,

которая всем цветам на свете предпочитает белый? В самом лучшем настроении колдунья пребывает зимой. Тогда метель заносит Ромашковую улицу до второго этажа, а домик ведьмы превращается в сказочный замок с милыми фигурками и ледяными башенками. Детвора обожает играть на зачарованных Бьянкой снежных горках и в лабиринтах, а толстощёких снеговиков колдунья направляет на расчистку дорожек для тех жителей, которым не очень нравится барахтаться в сугробах. Впрочем, её соседи не слишком ворчат – они ведь тоже немного дети.

С наступлением весны ведьма слегка грустит, наблюдая, как жаркое солнце превращает снежные покровы в зеркальные лужицы, как тают снеговики и звенят капелью хрустальные башенки её домика. Конечно, Бьянка могла бы поколдовать и оставить себе сияющий ледяной чертог… но вы же не ходите весь год в одном и том же платье, пусть и самом любимом? К тому же весной приходит время для другой радости, поскольку в саду расцветает множество прекрасных цветов: лилии, каллы, гиацинты и нарциссы, бессмертники и тысячелистники – все благоухающие чудесным ароматом и восхитительно белые!

Почтальон Хью был определённо рад, что на дворе стоял замечательно тёплый май, а не, скажем, октябрь. Значит, у Бьянки хорошее настроение и можно не опасаться разных неприятных сюрпризов. Он хорошо помнил, как два года назад в хмурый осенний день, пытаясь вручить ведьме посылку, нечаянно влез в охранительные чары и стал белым-белым – от стоптанных ботинок до кончика носа. «Белота» сходила потом две недели, и ему пришлось вынести немало ехидных насмешек насчёт своего весьма карнавального вида. Красить почтальона обратно ведьма отказывалась наотрез, уверяя, что так он гораздо симпатичнее.

Но сейчас колдунья гуляла среди своих любимых лилий и даже, кажется, что-то напевала. Хью негромко откашлялся.

– Кхм… госпожа Бьянка!

– А, здравствуйте, господин Хью! Одну минуточку! – Ведьма поставила лейку и подошла к калитке. – Какое чудесное утро, не правда ли?

Хью подал телеграмму и охотно согласился. Если тебя не превратили в ходячего снеговика, то это и правда очень приятно. А уж на свежем воздухе, да под нежарким ещё солнышком… Бьянка читала телеграмму, и почтальон с тревогой заметил, как на улыбчивое лицо ведьмы набежала тень, и между бровей пролегла озабоченная морщинка.

– Плохие новости? – осторожно осведомился он.

Бьянка слегка пожала плечами.

– О, как сказать. Матушка почему-то решила, что одной из её правнучек будет полезно погостить у меня месяц-другой. Набраться опыта, расширить кругозор и поддержать родственные связи. Я люблю своих племянниц, но… кгм… на некотором расстоянии. А уж матушка… знаете, когда ведьмам исполняется пятьсот лет, они становятся удивительно своенравными.

Хью деликатно выразил сочувствие.

– Ах, ничего, не берите в голову, – махнула рукой Бьянка. – У вас всё?

– Не совсем… Прошу прощения, но недалеко отсюда, через два-три дома, я только что видел тётушку Магду… и мне кажется, она опять потерялась.

– О, конечно! – Бьянка поправила кружевную шаль. – Спасибо вам большое, господин Хью. Я сейчас же помогу ей. Два-три дома, вы говорите?

– Да, вон там.

Бьянка вышла за калитку – высокая, стройная, в белоснежном длинном платье – и пошла по улице. Хью посмотрел ей вслед.

«Пятьсот лет, понимаешь… Самой-то небось уже сколько… Тут пятьдесят бы проскрипеть как-нибудь. А то полтыщи… Ох-ох-ох…» Он поправил на плече тяжёлую сумку и подумал, что было бы ужасно скучно пятьсот лет подряд носить почту.

Потерявшуюся ведьму Бьянка заметила быстро. Тётушка Магда стояла посреди улицы, задумчиво глядя на десяток воробьёв, маршировавших перед ней подобно солдатам на плацу. Нале-во! Ать-два, ать-два! Напра-во! Ать-два, ать-два… Сми-и-ирна!

– Здравствуйте, тётушка Магда! – сочувственно спросила Бьянка. – Опять?

– Ой, здравствуй, здравствуй… Опять…

Старушка махнула рукой, и воробьи замерли, переводя глазки-бусинки с одной ведьмы на другую.

– Шла, шла и забыла, зачем… К тебе, что ли, шла-то?

– Наверно, – улыбнулась Бьянка. – Вспоминательное зелье-то принимаете?

– Уж пью его, пью, дочка… когда не забываю. А давеча хватилась – нет твоего горшочка. Надо, думаю, пойти за новым. Вот и пошла, с утра-то, по холодку… И надо же, такая оказия…

Бьянка взяла старушку под руку, и они неспешно двинулись к дому – только ещё тихонько щёлкнула пальцами, снимая чары с заколдованных Магдой воробьёв. Те встрепенулись и с ошалелым чириканьем ринулись в куст шиповника.

– Ничего, – сказала Бьянка. – Сделаю вам нового зелья, а пока мороженым угощу, в саду посидите… В саду-то у меня хорошо сейчас. А где же метла-то ваша?

– А, метла! – в сердцах махнула рукой Магда. – В чулан я её заперла, проклятую! Прутья ей повыдергать! Чудить она стала, представляешь! То несётся, как сумасшедшая, то ползёт еле-еле. Вверх-вниз, вверх-вниз… старовата я уже для таких прыжков. Мне внук обещал ковёр-самолёт прислать, он, говорит, спокойный, послушный – как раз для моего возраста… Вот, жду. А пока ножками… Метле-то я, значит, усмирительное зелье сварила, намазала её всю, но как-то ей впрок не пошло. Всё дурит и дурит, пуще прежнего.

– Да… эк её, – сочувственно покивала Бьянка.

Тётушка Магда была стара, очень стара. Она была старушкой уже тогда, когда Бьянка маленькой девочкой зачаровывала метельные вихри да швыряла снежки за шиворот особенно противным мальчишкам. И с памятью у Магды давно уж было нехорошо. Напечь вкусных пирожков, починить платье или вот зачаровать бестолковых воробьёв она ещё могла, а со сложными зельями получалось всё хуже и хуже. Вспоминательное зелье, которое готовила ей Бьянка, отчасти помогало справиться с ситуацией… если бы тётушка не забывала его вовремя принимать.

Потихоньку они дошли до дома. Бьянка усадила старушку в саду, отнесла ей вазочку мороженого из своих зимних запасов и принялась варить вспоминательное зелье. Щепотку того, щепотку сего… – самой бы не забыть рецептуру. Но что же делать с Магдой? Бьянка задумалась, рассматривая баночки с ингредиентами на своей идеально чистой кухне.

«Пожалуй, стоит добавить лепестки золототысячника для более продолжительного действия – немного, буквально парочку на котелок. И щепотку сушёного лабазника для яркости воспоминаний. И капельку семипроцентного экстракта эдельвейса – кто сказал, что старому человеку не о чем мечтать? Мир грёз – чудесная штука, если им правильно пользоваться».

Она любила работать с памятью. Университетские мудрецы это назвали бы специализацией – пусть так… Во всём городе, наверно, нашлась бы лишь пара ведьм, которые варили вспоминательные зелья лучше её. Впрочем, как и забывательные. К сожалению, последние больше пользовались спросом – люди чаще хотели забыть что-то из своей жизни, чем сохранить «на долгую память». Уколы совести, дурные поступки, жестокость и стыд – этого много, слишком много в простой человеческой жизни, гораздо больше, чем…

За окном что-то промелькнуло, и через мгновение послышался тонкий вскрик и грохот чего-то упавшего.

Бьянка убрала котелок с огня и выбежала на улицу.

Какая-то девочка в её саду пыталась поднять и собрать воедино расколотый пополам мраморный вазон. По белому песку дорожки рассыпались комья земли и выпавшие из вазона помятые нарциссы.

– Ой, здрасьте! – воскликнула девочка, оглянувшись. – А вы тётя Бьянка, да? Я Эвианна, Эви… Мне бабушка про вас рассказывала, что у вас всё белое! Извините, я тут нечаянно врезалась… Но вы не волнуйтесь, я щас всё поправлю! У меня большой опыт на этот счёт!

«Эмм… Большой опыт? С чего бы это?» – в замешательстве подумала Бьянка, оглядывая прибывшую.

Растрёпанные волосы и глаза с милой хитринкой, длинный плащ, расписанный серебристыми паутинками и порезанный внизу на сплошную бахрому, разноцветные гольфы – один голубой, другой оранжевый… такого существа в её доме не было очень-очень давно. На дорожке слегка приплясывала небольшая походная метла, разукрашенная весёленькими красными, жёлтыми и фиолетовыми ленточками. Девочка раскрыла потёртый чемодан с крупными наклейками, достала из него мешочек и дунула порошком на пострадавший вазон. Пара взмахов руками – и тот снова встал вертикально, соединившись своими половинками.

– Ну вот, готово, – довольно улыбнулась Эви, маленьким смерчем возвращая на место рассыпанные цветы и землю. Вазон слегка покачнулся, но устоял. Нарциссы выглядели почти целыми, и трещина была практически незаметна среди мраморных прожилок. Ну, если не приглядываться.

– Милый ребёнок, – сказала тётушка Магда, доскребая из вазочки остатки пломбира. – У меня внучка такая же. То есть пра-пра-пра… ну неважно. Просто чудо!

Бьянка откашлялась.

– Добро пожаловать, Эви. Твоя комната на втором этаже, налево от лестницы.

– Ага, уже бегу! – улыбнулась девочка и, подхватив чемодан, пронеслась мимо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.